

Культура. - 1999. - 5-Навр. - с. 10 Право на роль

Царственная поступь
Ирмы Ниорадзе

Фасад ее карьеры безупречен. Положение одной из ведущих балерин. Премьеры. Зарубежные успехи. Преданные поклонники. Фотографии на афишах. Глянец модных журналов. Имя.

Критики нередко посвящают ей самые проникновенные пассажи. Это, например, о последней работе – Фее из балета Алексея Ратманского: "Как выпрыгивала на сцену ледяная Фея – Ниорадзе! Спиной вперед, высоко выбрасывающую ноги, ее будто нес невидимый и (удивительно!) смеющийся ветер. В острой пластике звучала нежная интонация, и в сюжете, рассказывающем о том, как Фея лишила Юношу невесты, решив одарить его художественным талантом, не оказалось ни единой грустной нотки".

Между тем всего несколько лет назад – пять, четыре, а то и три – Ирма Ниорадзе была для многих лишь корректной профессионалкой. "Балериной фона", исправно оттанцовывающей репертурную текучку. В лирике ее внятный, резковато-отчетливый танец светил ровным неоновым светом. В драме или ликовании – подчас коробил любителей изысканного однообразным напором. Оказалось, то было лишь накоплением потенциала. Ниорадзе фанатично училась. По ее словам, высматривала у старших коллег даже угол между шеей и округленной над головой рукой. Она как будто не желала вуалировать недостатки. Изжить – другое дело. Ей словно необходимо было вытеснить технические заботы за скобки сознания, довести послушание тела до автоматизма. Достигнутая техническая свобода принесла свободу самовыражения. То, что казалось недостатками, обернулось достоинствами. Некоторая жесткость мышц – упругой силой, тем более удивительной при утонченной форме рук и ног. Резкость – точностью. Захлестывающий темперамент – способностью концентрировать энергию, выплескивая ее в кульминационные моменты действия.

Эти качества сулят Ниорадзе раздолье в сфере современной

пластики с ее уплотненным, усложненным языком. Эти качества пришлось привязать к могучему древу академических партий: иного в Мариинке не дано. Сегодня в академических ролях танцовщица кажется плотью от плоти петербургского балета, ценившего кристальную ясность и непроницаемый холодок линий. Но нечто неуловимое – сродни легкому акценту ее речи – отличает Ирму Ниорадзе от северных балерин. Чуть щедрее декоративность. Чуть щеголеватей темперамент. Чуть более терпкая элгантность.

Она умеет быть разной. Критики, рассуждая о ней, часто противоречат друг другу. Кто-то видит в ней мастерицу "рвать страсти", кто-то – холодноватую "инструменталистку", кто-то с удивлением обнаруживает в ней комедийный талант. Скорее всего по-своему правы все. И недаром Ниорадзе так удалась Фея в балете Ратманского: таинственная муза-оборотень, то завораживающая, то отстраненная, а то и смешная. Ниорадзе, кстати, единственная, кто не побоялась – следуя замыслу хореографа – сделать свою героиню смешной. Она же единственная осмелилась – опять-таки в соответствии с идеей балетмейстера Ролана Пети – наделить свою Кармен порочным шармом и вульгарностью, точно дозированной, а потому пикантной (вроде плесени на сыре – рокфор). И тем отослала к Марлен Дитрих времен Голубого ангела. Позволить себе такое может лишь безукоризненный профессионал.

...На самом деле разбег был куда длиннее. Фортуна не выбирает любимцев наугад. Путь Ниорадзе в Мариинский театр – тому пример. Пусть в разговоре балерина часто повторяет слово "судьба" (подразумевая "предназначенность"), фаталисткой ее не назовешь. Петербург манил ее с детства. Ради него, едва окончив Тбилисское хореографическое училище, Ниорадзе отложила в сторону полученный диплом. Разрешения на стажировку в вагановском училище пришлось до-

биваться ни много ни мало у министра культуры Грузии: контракт обязывал выпускницу отработать три года в Театре имени З.Палиашвили. К тому же театр предлагал ей сразу звание солистки. Она отказалась.

...Выпускной концерт в Мариинке. Но тогда, в 1988-м, петербургский театр не спешил открыть двери перед Ниорадзе. Пришлось вернуться домой. Ирма много гастролирует с труппами Георгия Алексидзе и Нины Ананишвили. Первый успех на знаменитом фестивале в Монпелье. Престижный балетный конкурс в Джексоне принес бронзовую медаль и предложение на четыре года работы в крупном американском театре. Уже был заказан авиабилет. Как вдруг телефонный звонок. Солоист Мариинки, с Ниорадзе лично не знакомый, приглашает ее в Петербург. Просто в качестве партнерши. Просто для одного концерта. Ниорадзе отказалась от Америки, вновь погнавшись за эфемерным журавлем. И не прогадала. После концерта ей предложили остаться в труппе. Однако в подарочной обертке судьба преподнесла новое испытание. "Выяснилось, что меня никто здесь не ждал. Это был самый трудный мой сезон", – рассказывает Ниорадзе. Придержав самолюбие, пришлось заново доказывать свое право на роли...

Она часто изображает своих героинь одиночками. Но у их одиночества царственная поступь. Они боятся быть униженными, а еще больше – обнажить этот страх. Мучительно сопротивляясь желанной "слабости характера" – любви, нежности, состраданию, в любых обстоятельствах следуют долгу. Это словно о ее Мехменэ Бану:

*Расплавленный страданием
крепнет голос
И достигает скорбного закала
Негодованием раскаленный
слог...*

"Мехменэ Бану – это я", – говорит Ирма Ниорадзе.

Юлия ЯКОВЛЕВА
Санкт-Петербург

И.Ниорадзе в спектакле "Баядерка"

Фото ИРАЗИНОЙ

320